

Не бывает случайных мгновений...

(2005)

Редактор-составитель электронной версии сборника Сергей Сычев

«**Не бывает случайных мгновений...**» – восьмой сборник стихов поэта Алексея Горобца из станицы Полтавской Краснодарского края.

Из аннотации к книге: «Из сборника в сборник поэт творит свою вселенную, являя феномен несогласия с чётким разлинованным миром.

Нет сомнения, что читатель, знакомый с предыдущими книжками автора, не преминет вновь окунуться в эту «поэзию взахлёб», в этот мир, где «не бывает случайных мгновений», где «мокнет сад и листопад растрочен», где «не по грехам Господь к нам милостив»..».

Сборник, со стихами которого вам предстоит познакомиться, продолжает философскую линию горобцовской поэзии, развивая её тематически и обогащая новыми, присущими только Горобцу словами и оборотами речи, которые зачастую не только сложно представить в стихах другого поэта, но и в высокой поэзии, к которой без сомнения относятся стихи Алексея Горобца, вообще.

В стихах данного сборника поэт развивает философские и эстетические тенденции, нашедшие наибольшее воплощение в поздний период его творчества. К большому сожалению, в целом сборник оказался недооценённым читателями и критиками.

Алексей Борисович Горобец родился в 1936 году в Краснодаре. В 1960 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова, служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, публиковался в журналах «День и ночь», «Наш современник», «Континент», других периодических изданиях, лауреат литературной премии «Медицинской газеты». Стихи А.Горобца включены в антологию поэзии XXI века.

* * *

На запах слов,
На скрытое звучанье,
На тишину и на размах крыла
Судьба нас изучала, приручала,
Да, видно, так и недопоняла...

И мы пылим дорогами своими,
Не слишком в лес, но всё же по дрова,
В степную дымь,
В дождливый зной свой синий...

Трава, роса...
Счастливая Россия...
Спасительные русские слова...

* * *

Миг тишины тревожен и загадочен,
Когда сверканьем ослеплённый гром,
Оторопев,
Застыв с открытым ртом,
Свой крик любви,
Свой стон, сравнимый мало с чем,
Вдруг затаит в себе...

И ни о чём
Не надо сожалеть
И не в чем каяться:
Распахнута, исхлёстана дождём,
Вселенная без усталости старается
Для нас с тобой
И верит – мы поймём,
Что все её дожди –
И сень, и звень её,
Её снегов прохладное бельё,
Отчаянье, восторг и забытьё –

Сотворены – и в этом нет сомнения! –
Как образ
И подобие
Твоё.

* * *

Присловья, байки...
Я не прекословлю
Премудростям примет.
Я был бы рад
Приладить обод и крепить оглоблю

Над стрехами казацких старых хат.

Чтоб прилетали аисты-лэлэки
Пасться в капустах, там, где нас нашли.
Чтоб жили-были люди. Человеки.
И тяжкий путь свой из варяг да в греки,
Плутая, путаясь, но всё-таки прошли.

Остыли, обветшали наши хаты,
И аисты – фрегаты-корабли –
Давно уже во мгле голубоватой,
А мы слепы, не слишком-то крылаты,
Твердим, что вот совсем не виноваты,
Что оберечь их так и не смогли.

Но что им наши байки и присловья –
Их горе не измерить на весах!..

И голубой
Своей прохладной
Кровью
Им крылья омывают небеса.

* * *

Не бывает случайных мгновений,
Всё давно predetermined:

Древних мамонтов смутные тени,
Память зренья и в небо паденье,
И полёты на самое дно.

Что упало,
То, Бог с ним, пропало
И не стоит стараний, поверь.
Может, это как раз и спасало
От совсем неоглядных потерь.

И, смирясь,
Ну, хотя б на полстолько,
Нам всё плыть в свою дымку-печаль...

Что сбылось, то и ладно.
Вот только

Грустно очень.

И мамонтов жаль.

* * *

Язык твой – друг твой,
Если не болтать,
А, затаив дыханье, жадно слушать,
Как яблони в саду твоём и груши
Пытаются агукать, лопотать,
Чтоб вдруг заговорить –
На внятном, русском,
Загадочном и чистом языке...

И плавают туманы по реке,
И так светла слеза реки в руке,
И светляки сигналият вдалеке,
И понимать их – радостно и грустно.

И до рассвета длиться и страдать
Свирельной той, хрустальной русской речи,
Где свет и тень,
И светотень Предтечи,
И ожиданье неизбежной встречи...

И нет нужды фальшивить или лгать.

* * *

Без толку молимся,
Без меры согрешаем,
Спешим догнать, торопимся найти...
А стаи птиц сбиваются за краем
Ветров, и начинаются дожди.

А время
Всё сбивается на ритмы
Галопов на трескучем помеле,
А там уже и стоны, и молитвы
Берёз –
И снег, и наледь на стекле.

А дальше – холод, стынь
И всё известно:
В снегах и вьюгах,
В бедах и во зле
Мы оставляем
Мир земной наш тесный –
И верим в рай...

Но горек рай небесный,

Когда
Такая стужа на земле.

* * *

Не надо правды!..
Нам любви и веры
Вполне достанет, а всего нужней
Озябший ветер, сбивчивость дождей
И облачная свежесть атмосферы.

Не надо большего –
А ну, как отберут!
А к малому – глядишь, так и прибавят.
И тишину молчанием подправят,
И потеряют нас,
И не найдут

В лугах грибных,
В садах среди деревьев,
В болотинах,
В лесах по хвойным чащам,

В холодном и ненастном настоящем,

Где мы дыханье истины обрящем,

В глаза взглянуть ей
Так и не успев...

* * *

Никак не оторваться от весны,
От суетной, слезливой непогоды!..

По закутам,
По замьям лесным,
В одеждах зимних, вышедших из моды,
Ещё хранят скрипучие дубы
Сырую мглу,
И ветры бал свой правят,
И совы, что и летом зиму славят,
Шустрят вовсю, гугнивы и рябы.

И вызревают яйца Фаберже
В вороньих гнёздах по глухим околкам,
И на душе всё как-то смутно, колко
От влажной хвои, преющей уже.

И нам с тобой –
Во сне ли, наяву –
Нам пережить
Последний всплеск свободы,
Осенней той, когда пустые воды
Листву едва удержат на плаву,

Когда не завершён ещё облёт
Сонливых пчёл
И грязь на солнце тает...

И остаётся верить в Новый год,
И ждать,
И убеждать себя, что вот

Придёт декабрь –
И всё легко исправит...

* * *

Впотьмах и гнилушка светит,
Зимой и снегирь соловей.

Печаль о вчерашнем лете
В тоску возводить не смей.

И грусть о весне далёкой
Не дай обратить в печаль...

И что там всё врёт сорока
О зимах, снегах без срока,
Когда нам цветёт осока,
И грезит дождём дорога,

И мчит нас в своё высоко
Ночной наш
Шальной мистраль...

* * *

Ольге Черевко

Прощаю промахи себе я и ошибки
И сам себя весь день благодарю:

И вёсла есть, и паруса не хлипки,
И лезут в невод золотые рыбки,
И вот чуть-чуть, и что-то сотворю –

И синь-лазурь, и облака-улыбки...

А что дыряв баркас и я тону,
Так это ветер не туда волну
Погнал опять – и оборвал струну!..

И сломан руль,
И стонут вёсла-скрипки,
И гибнет снасть,

И золотые рыбки,
Смеясь и радуясь,
Уходят в глубину.

* * *

Конечно же, весна была права:
Свершив своё, остепенится лето,
Уйдут стихи, развяжутся сюжеты,
И осень обретёт свои права.

И к ночи обуян идеей ужина,
Затопчется, ища свою жемчужину,
Петух в навозе, и падёт с небес,
Мечтая о полёте и паренье,
На землю, вниз, забыв о притяженье,

Последняя летучая звезда...

* * *

Не купишь,
Ничем не подкупишь
Ты этих, незримую нить
Судьбы твоей тихо прядущих...

Бесценное – не оценить...

И бед своих старую упряжь
Отринув, ты в жажде наград,
Не веря в божественный кукиш,
Всё ждёшь, что вот-вот и окупишь
Всю тяжкую тяжесть наград,

Что небо вдруг снизит расценки
И высохнут слёзы-дожди...

А время, конечно, не деньги!

И всё-то ещё впереди...

* * *

Мы что-то в эту зиму потеряли –
Похоже, что совсем и навсегда...
Акации, смотри, повырастали,
Вплетаются в электропровода.

И пламя тех коротких замыканий
Любви, что опаляла нас опрежь,
Ещё саднит – утишь,
Зовёт – утешь...

И тайно верит
В правду оправданий
И в кривду неоправданных надежд...

* * *

Когда уже и ссоры не хватает,
И захлебнулись мудростью слова,
Закрой глаза: ты слышишь, улетают –
Куда, зачем – они ещё не знают,
Туманы-облака...

И не нова
Бездонная твоя печаль-обида,
И высоко – там только лунный свет –
В косых меридианах неэвклида
Скользит давно потерянный из вида
Неспешный птичий клин...

За много лет
Мы так и не смогли с тобой подняться
Сюда, где до сих пор ещё хмельна,
И не дано ей лгать и отсупаться,
Бесстыжая пророчица – весна.

Она совсем своё, совсем простое,
Нам открывала вновь,
А мы с тобой,
Объав весь мир,
Обняв весь род людской, -
Мы лишь друг другу не умели злое
Простить – давно избытое, пустое...

И гибли, невзлелеяны судьбою,
И возвращались в зимний вечер свой,
Оставив небу – небо голубое,
Восторг дождей и нетерпенье зноя,
Любви своей томление земное

И ожиданья неземной покой.

* * *

Хочу я много, но немногого:
Колодец чтоб не помнил зла,
Ветла подольше бы цвела,
И жизнь, телега колченогая,
Меня тащила б и везла

Всё дальше в лес,
Где дров не ломано,
Где каждый пенёк – мохнатый зверь,
Где стужа приоткрыла дверь,
И всё сейчас, и всё теперь,

И всё –
Не пропито... не продано...

* * *

Всю ночь гремело, двигалась гроза.
Мы на грозу не слишком отвлекались:
Я жал на газ, ты всё на тормоза,
И утром лужи, выпучив глаза,
Пузырились и с плеском разбегались.

И нам пришлось
Искать свой старый зонт
И на кроссовки ладить мокроступы...
Глупы мы были, и, конечно, глупо
Нам было так спешить –

За горизонт,
В свой новый век,
В тысячелетник свой,
Где, в общем, как-то холодно и сыро,
И за окном ни тишины, ни мира,
И лишь любовь спасает нас порой

От лирики,
Чей барабанный бой
Во здравье, вроде бы,
Но тускло так и сирочно...

И старая
Надтреснутая лира
Твоя –
Опять скрипит за упокой.

* * *

А день устал!..
И ты уже не в силах
Оберегать, удерживать в душе
Цветную ретушь цапель светло-синих,
Штрихи-пунктиры серых камышей,

И пыльные свои пути-дороги,
Где мало доверяя колесу,
Перетрудив натоптанные ноги,
Верблюды-миражи, степные боги,
С колючек пьют рассветную росу.

Где солнце, что пылало и светило
Для всех для нас,
Теперь, к исходу дня,
Клонится вниз, печалясь и скорбя,

Поскольку понимает, что не в силах

Наш мир земной
Возвысить до себя.

* * *

Мы Божьи созданья, но разум наш слаб,
И мы ничего друг о друге не знаем.
Гуляет наш аист, любви своей раб,
По скользкому шиферу мокрых сараев.

Платан престарелый беззвучно скрипит
И что-то лопочет, и плещет листвою,
И вишня – одна – в сиротливом покое
Горит и сгорает, пока не сгорит.

И мы ничего друг о друге не знаем.

Дождями и травами в землю врастаем,
И жесты, и влагу и влажную речь
Травы, и твоё наречённое слово
Уводит кубанская тихая мова –

Чтоб плотью облечь и судьбою наречь,

И тайну сию
Охранить и сберечь.

* * *

Обелиски, кресты,
Краснозвёздные
Пирамиды в тиши тополей,
Сиротливые ивы погостные
За межой Куликовых полей...

Много места у Бога для праведных!..

И летят,
И летят журавли...
Ну, неправильно это,
Неправильно –
Так легко, так бездумно,
Беспамятно,
Поступаться хоть горстью земли!

Той земли,
Где цветёт и качается
Остролистник в дождях на ветру,
Той, где с Крымом Кубань обручается
И лелеет Байкал Ангару...

Много места в России для радости!

Но от века дано нам судьбой,
Не дождавшись ни внуков,
Ни старости,
Закрывать эту землю собой.

Были беды – и ныне случаются.
Память стынет в беспомысленстве дней.
Горек век наш –
Но нам ли отчаяться!

Сдюжим всё – и Господь нам ручается

Светлой болью
Своих журавлей...

* * *

*Памяти моего земляка
полного кавалера ордена Славы
Михаила Захаровича Дремлюги*

Резерв в бою Важней, чем удальство.

Не столь от дикой злобы, сколь от страха,
Рыдало и рычало естество
Смердящих танков на краю оврага.

Уже с десятков «тигров» насчитал,
А там – пехота, бронетранспортёры,
И в воздухе – оскаленные своры
Стервятников, метаящих металл.

- Да тут, ты посмотри – все виды войск!
Весь чёртов вермахт! Эдакая сила –
И прёт сюда! Что ж, подходи... не бойсь...
(Вот только бы снарядов нам хватило!)

Он приобнял ещё холодный ствол.
(Расчёт готов. Радист настроил рацию.)
- Вот так... чуть-чуть...
На близкую дистанцию...
В упор... Огонь! –
И вздыбился простор.
И что важней – резерв ли, удальство,
Не рассуждал он: в средоточье грома,
В огне, в крови он бил врага в лицо,
Рукотворя обвал металлолома...
А после им апрель намёл сугроб
Степных цветов – поклон родного юга...

И вытер слёзы Михаил Дремлюга,
Кубанский очень мирный хлебороб.

* * *

Колючих трав немолодая поросль
Осунулась, припала к колее.
Мороз уже прошёлся по земле,
И ветры, заплутав, снижая скорость,
Кружатся, вязнут в пепле и золе
Стерни сгоревшей, в холоде закатов,
В скрипучей дрёме кряжистых дерев.

И близостью зимы переболев,
Не помышляешь отделить себя ты
От зябкой участи забытых Богом птиц,
Не улетевших от родных криниц,
Бедующих средь камышей косматых,
По ерикам, вдоль балок, близ станиц,
У плёсов, где следы былых границ,
Где боль и боль избыты и разъяты...

Где старые редуты и кресты –
Седая память нашей правоты...

* * *

Короток и недолог
День и закатно мглист.
Ветер в оконных створах,
И на карнизах голых
Пляшет последний лист.

Говор поленьев, танцы
Старых газет в печи.
Лирика века. Стансы!..
Что там? Кейфор? Албанцы?
Негры-американцы?..
Раненый мул кричит?..

Гильзы, щебёнка, ворох
Ржави, крысиный визг.
Короток и недолог
День твой – и дешёв порох...

И на карнизах голых
Осатаневший Молох

Пляшет
Свой брейк,
Свой твист...

* * *

Самих себя
Мочить в сортире,
Гонять не крыс, так вороньё...

Мы продолжаем в этом мире
Своё житьё, своё бытьё.

И продолжает мир усталый
Житьё-бытьё своих небес,
Где ввечеру закаты алы,
А по ночам пустые скалы
Неспешный обживает лес,

Чтобы вот так вот, осторожно,
Наперекор всему, вразрез
С судьбой, накликанной безбожно,

И всё возможно!..

И всё, наверное, возможно –

В стране чудес,
В стране чудес...

* * *

И нет давно ни тайны, ни вопроса,
Ни тихой мглы, где затаился гром,
Нет ничего, что прямо или косо
Не выхвачено было б чьим-то острым
Или тупым, но въедливым пером.

Но ты всё бродишь там, в своём тумане,
Ломая строчки, рифмы теребя,
И странен,
И почти что иностранен –
Компьютероязычный графоманин...

И лист слетевший, и упавший камень
Счастливей и талантливей тебя.

* * *

Нашедши – радуйся,
А потеряв – не плачь.
Будь счастлив малостью,
Ну а люби – без меры.
Вот только горизонты обозначь
И не превысь миров своих размеры.

Не по грехам Господь к нам милостив...

Нам застыт разум доллары и евры,
И глупостей, нелепостей шедевры –
Всё на излом, на вывих, на разрыв.

Мир на глазах меняется.
Угрозно
Неслыханное прёт обвалом гроз, но
Нам недосуг, нам треплет слух мотив
Привычный наш –
Авось да обойдётся,
Притерпится, убудет,
Рассосётся...

Не по грехам Господь к нам милостив!..

* * *

И не всегда простое гениально!
И простота, что хуже воровства,
В глазах твоих прохладна и зеркальна,
Как этот снег, не помнящий родства.

Всё просто –
Снег, и лёд трещит, где тонко,
И время позабыть про чудеса:
Полозья – разогнуть из колеса,
Тулуп – скроить (сварганить из дублёнки),
Скользить впотьмах по утреннему льду
И снег ловить губами на лету,
И вновь в твою поверить правоту...

И услышать
Капели голос тонкий

В январских стужах...
В будущем году...

* * *

Там-там любви ещё грохочет в джазе
Ночных страстей, а мне тащить назад
Сдуревшее в слепом своём экстазе
Фоно, что было взято напрокат.

Уймись и не пытайся сотворить
Храм, где царят блаженство и нирвана!
Обвальный листопад самообмана
Пора уже очнуться и забыть.

Пришло нам углубляться в тишину,
Прислушаться к снегам,
Вникать в звучанье
Последних вьюг,
В которых узнаванье
Дорог в твою смиренную весну.

И время знать,
Что все мы – твари Божьи:
И зверь, и камень,
И всему венцом –
Замшелый дуб с расколотым изножьем
И старческим морщинистым лицом.

Над ним – просторы,
Стороны и страны,
И дремлют облака...

И я усну...

И пусть себе блаженство и нирвана
Пасутся,
Постигая тишину.

* * *

Завечереет, сыростью повеет,
Закаплет –
И Москва слезам поверит.
И зарыдает в голос – дура душой.
И обростёт косою архитектурой
Дождя,
И кособоко разбредётся
Вдоль площадей, где плесневеет бронза,
Где сняли нимб с чела Победоносца
И стал Святой Егорий просто Юрой...

Нам это ну, конечно, отольётся –
Да и не раз!..

Вот досмолю окурок
И по дождю, по тучам серо-бурым,
В ладу с тоской и всем печалям в лад,
Отворотясь, презрев огляд назад,
Уйду – туда, где старенькое солнце

Всё бьётся,
Всё не верит в свой закат...

* * *

Последние травы –
Некошена, брошена
Снегам и морозам их поздняя стать.
И кажется, нет ничего безнадежнее
Холодного неба и нечего ждать...

О близкая вьюжность, слепая, обманная,
Как прав он и праведен, белый размах
Твоих вдохновений, внушающих страх!
Но верую, верю в небесную манну я –
Вот в эту извечную, Богом нам данную,

Усталую озимь
На зимних полях...

* * *

Истраченный ветрами до упора,
Испитый суховеями до дна,
Приткнёшься ты под небом у забора,
И глянешь вверх,
И ахнешь: – Тишина...

И замолчишь,
Поняв, что не нарушить
Её ничем и не испить до дна...

И вытрешь слёзы,
И отдашь ей душу –

Которая ей вовсе не нужна...

* * *

Историю делают личности.
Сомнительно это. Тем более
Что просто, без околичности,
С учётом живой наличности
Их лепит сама история.

И пыжатся корчат рожи нам
В захлёбе крутой базарности,
Раскручены и ухожены
Бездарные пассионарности.

А нам по крутым неудобиям –
Нам хмель да пырьё выкашивать,
Нам лапти плести да снашивать,
Да множить грехи – под наше вот
Беззубие да беззлобие.

И катит, пылится история,
Сквозит без ума и понятия,

И висну, как птух, на заборе я,
Чтоб проще мне было
Понять её.

* * *

Наследники невыживших идей,
Затоптанцы,
Мы наглotalись пыли
И в свой черёд неслабо наследили
На пыльных перекрёстках новых дней.

Среди отстойников,
Невызревших полей
Ассенизационных мы судили
О бестолковой, о крикливой силе
Пустых мироспасительных речей.

А мир уже ничей был,
И ключей
К его дверям
Теперь никто не ищет,
К его болотам, чьи рапа и грязь
Спасали, исцеляли нас не раз,
Блаженных и блажных,
И духом нищих –

Провидцев,
Охранителей пространства,
Где ждёт тебя
Твой терпеливый транспорт
Любви и скорби...

И светла душа –
Как будто ты
И впрямь не оплошал.

* * *

Всесилье –
И бессилие и рабство
Высоких слов...

И всё же всякий раз
Ты ощущаешь и родство и братство
Со всем живым, когда бросаешь взгляд свой
На тот простор, что сберегает нас.

На хладные, на взветренные дали,
На эту нам загаданную ширь...
И выше, отстранённое и Дале
Ты от Анталий всяких там, Италий,
Когда с тобой Сибирь,
Твоя Сибирь!..

И угадав,
И затаив дыханье,
Ты слышишь, ждёшь и счастливо молчишь:
Забилось – бьётся! – сердце мирозданья,
Вот здесь, сейчас, где синих рек сиянье,

Где в Обь свою
Вливается Иртыш...

* * *

Толкутся, табуняются НЛЮ
В пространствах наших,
Городам и весям
Являя блёстких вспышек серебро
И золото молчанья.

Им не тесен
Наш скромный мир.
Почти из пустоты
Они к нам напрямую проникают,
Тревожат как-то и почти пугают
И обостряют жажду высоты.

В них трудно верить,
Но трудней – избыть.
Они молчат, и долгому терпенью
Учиться нам и, напрягая зренье,
Ловить их отраженья –

И открыть,
Что все надежды и старанья – все,
И маяту, и боль свою земную
Нам никогда
Ни с кем не разделить...

* * *

И семь ветров,
И семицветье радуги,
И семью семь и сорок сороков
Дерев и трав –
В цвету, меду и патоке,
И синь морей, и море облаков,
И всем ветрам – ни пут и ни оков!..

Там шкиперы пьют эль
И дремлют пьяницы,
И манят чаек запахи таверн,
Там грезит Грин
И спит в саду Жюль-Верн,
Страна твоя, Грин-ландия!..

И тянется
К ней наш угарный,
Выморочный смог,
Отсюда, где раскатанность дорог,
Где окрылённость местного значенья,
И смелость общих слов, и нетерпенье
Высоких дел, чей горестен итог...

И этот вечный камень преткновения,
Лишь тронешь дверь
И ступишь за порог...

* * *

Коль знаешь меру, это ли изъян –
Ирония, насмешка острословье?
Но есть одно, всегда одно условие:
Уберегись касаться старых ран.

И пусть любовь излечена, избыта,
И снег в сенях, и спит в углу зима...

Но неподвластна доводам ума,
Душа опять – нестрижена, небрита –
Взовьётся вдруг – и лопнут построма,

И жадных губ шальная кутерьма
Уже нашла золотые терема...

И зреет хмель,
И золотится жито.

* * *

Чем оплатить мне
Краткий миг участия,
Те невзначай слетевшие слова,
Что были так нужны!..
Конечно, частью
Души –
Дай Бог, она ещё жива.

И нет печали, виноват ли, прав ли
Ты был вчера, да и не в этом соль:
Опять трещат оттоптанное грабли,
Опять кричит любимая мозоль!

И губ, и рук –
Да так, что не расстаться! –
Смятение и погибельный восторг
Уже несут нас в стлань ночных дорог
На круги тех,
Совсем иных инстанций,
Где близок Бог и неуместен торг.

И что твои сомнения и страхи,
И ревностей нахлынувшая боль!..
Вся во грехе,
Вся в ожиданье – вновь,
Похоже, возвращается любовь...

Счастливая.

В смирительной рубахе.

* * *

Она ещё горит, Полынь-звезда...

Мы ждём весны,
Живём цветеньем осени,

Нам в радость стынть и синие снега,
И налитыми грезим мы колосьями,
И скошенной травы сухими остьями
Приветим полдень, падая в стога.

Так в чём оно,
Твоё предназначенье?..

Наш волчий век,
Наш вол, наш волкодав
Не понял, не усёк – не угадал
Ни нас с тобой, ни предостереженья
Чужих планет,

И пепельно пуста,
Дрожит огарком вербного куста
Надежда на хотя бы утешенье...

И теплится, чадит в бреду затмения

Твоя беда –
Твоя Полярная-звезда...

* * *

Иззябший сад...
Здесь только ты и небо.
Здесь шум ночной в согласье с тишиной
В кострах угасших бедствует,

И нет бы
Поверить нам,
Что осень – Боже мой! –
Всего лишь тень, скользнувшая нелепо,
Заблудший дождь, загрезивший весной,
Окно в ночи, прищуренное слепо...

А вовсе
Не преддверье
В мир иной...

* * *

Всё лучшее мы просто так,
Задаром,
Привыкли, получаем, не цenia:

Рассвет, восход,
Закат к исходу дня,
То, что пылает маревом и жаром
Над плавнями,
Над этим руслом старым,
Где, распрямляя свой горбатый рост,
Ногами в воду окунулся мост,

И отражённым искрятся пожаром
Лиманы,
И на паперти речной,
Не выбрав между жизнью и мечтой,
Уходит с дождевой ночной водой

В песок любовь,
Что нам даётся даром...

* * *

Сухой листвы
Осенний жёлтый ворох,
Не обрета ни счастья, ни любви,
На шёпот перейдя, на хриплый шорох,
Теряя нить в дремотных разговорах,
Когда ни разбуди, ни позови –

Шуршит себе,
Всё воздыхает горько,
Что осень – видишь? – ветрена и зла,
И холодна, и вовсе не мудра,

А летних дней –
Их было столько... столько!..

Что нам теперь достанет до утра

Чадить золой

Иссякшего костра.

* * *

Старею...
Конечно, старею!
Глупею, болею... терплю.
Что раньше умел – не умею.
Что прежде любил – не люблю.

Уже не имеет значенья
Ни скорбной слезы истечение,
Ни груз недомученных дум.
Вот только б грехов отпущенье...
Да сам себе нравоученье
Читает оглядчивый ум.

И всё ему в чудо –
И ряска
Пруда, что оброс и зарос,
И выводок уток клювастых,
И дятел в подштанниках красных,
И вечер – по летнему ясный

И тихий,
Как этот погост...

* * *

Тебе приснилось, надо мной сбылось,
И нет душе ни крова, ни пристанища!
И потому так остро и так ранящее
Вздыхает зимний ветер, гол и бос.

И гнёт его к земле больной вопрос –
Как дым печной, он стелется и тянется:
Ну вот – уйдёт зима, а что останется
От вросших в снег дождей и летних рос?

Плодливы беды!.. И нестойкий лёд
Подтаёт, обнажив рубцы и язвы,
И даже что-то сдвинется, но разве
Земля очнётся, разве зацветёт?..

Она, скорей всего, продолжит бег
Вслед за тобой – среди кометной пыли,

Случайных айсбергов,
В глухой и тёмной силе
Тех чёрных дыр,
Где всё чужое – грех...

Где, не простив, нас всё-таки любили –

За дым,
За дождь,
За прошлогодний снег...

* * *

Дурная мысль ушла, но след останется
И будет ждать тебя – и крив, и крут...

Но что с тобой, с душой твоею станется,
Когда, взлетев, она опять обманется –
Ну пусть всего на несколько минут!..

Ещё недокалечена природа,
И мир живой пока не изведён,
И старая перечица – свобода,
Не углядев через полымя брода,
О бедствиях совсем иного рода
Трубит
С тобой почти что в унисон.

Но в синеве нетронутых отрогов,
В краю небес
Туман полуседой
Уже витает хмарью снеговой,

Встревоженный
Твоим согласием с Богом

При вечном разногласии с собой...

* * *

Глухая осень –
Бренность и успенье...
Люблю твои замшелые стихи!
В них нет ни направляющей руки,

Ни назиданья нет, ни наставленья:

Усохших трав белёсое явление,
Под утро иней, по ночам прогляд
Опльвших звёзд, опавший листопад,
Что стал ковром, прилипчивым и грязным,
Всю ночь с тобой толкующим
О разном,
Но более всего – о сотворенье
Спасительных и радужных надежд,

Из тех,
Которым будущего нет...

* * *

Душа – не знаю, тело – бренно,
А жизнь – да что там говорить! –
Ну, до нелепого мгновенна:
Спешит, сбивая в кровь колена,
Боясь не внять, недолюбить,

Недоуслышать, недовникнуть
В ту немоту, где старый клён
Скрипя дописывает книгу
Любовей, судеб и времён.

И всё летят,
Летают,
Тают
Резные письменна-листы,
И отдыхая погибают
Ветвей артрозные персты.

И хмель ложбин твоих,
И поросль
Лебязьких трав,
И два крыла –
Зачем они? – их сберегла
Любовь для нас,

И всё же порознь,
Поврозь и порознь – ты и я –
Уже за краем бытия

Стоим –
И высь нас ждёт и пропасть,
И кто-то шустрый тычет пропуск,

И завершает вечна мгла
Свои небесные дела.

* * *

А для хотенья – возлюбим терпенье!
Ляжет прохлада, но ближе к ночи.
Очи раскроет луна-вдохновенье,
Да и поможет, хотя и не очень.

Надо мечтать, но не слишком сильно.
Грезить, но так, чтоб не застить очи.
Вот и роса на горячий ковыль, но
Только уже в завершенье ночи.

Нет у нас больше великих целей.
Нет у нас больше.
И наши тени
Путают время, витают бесцельно,
Неразличимы в чреде поколений.

И бесконечны лета лихолетья,
И под забором – усталость и старость,
И на заборах – стихи-междометья,
Чтобы почаще о нас вспоминалось,

Чтобы любилось, было, сострадалось...

И как всегда,
Навсегда забывалось.

* * *

Без притчи веку не отбудешь,
А в свете мудрости чужой
Свой грош, талант свой проходной,
Ты легче у судьбы отсудишь.

И боль уймёшь,
И веришь – некто

Тебе, вздохнув, прочертит вектор
Сквозь времена, в туман, где сыч
Угукнет,
И долбит кирпич
Калитка, тронутая ветром,

Где всё в былом,
И всё – опричь
Любви – становится объектом

Побасенок,
Присловий,
Притч...

* * *

Опять беда! Цунами с нами
Творит что хочет: давний счёт
Предъявлен нам. Колоколами
И страхом Божьим в Божьем храме
Заголосит и вознесёт
Молитву струсившая совесть...

И кто-то – на последний поезд,
И стыден страх, и страшен стыд,
И ясно – мир тобою сыт:
Душа Земли уже не в силах
Прощать, потворствовать,
Терпеть...

И нам никак не поумнеть!

Бомжует в подворотнях стылых
Последний домовой,
И несть
Конца алчбе, стяжбе...

И строфы
Стихов твоих – незнамо где,

(На адской той сковороде!)

Скворчат,
Вживаясь в катастрофу

И приспособившись к беде...

* * *

Сегодня пожелтели листья.
Не все, конечно. И слегка.
Какая, в общем, чепуха
Держаться лета!
Закулисье
Природой выстраданных сцен,
Где неизбежен ряд замен
Актёров, фабул, персонажей.
Раскрылось: вот она, пора
Холодных слёз – и боль, и траур
Ещё золотых твоих хором!..

И нам
Не разойтись добром...

И старый дурень топинамбур
Вблизи осеннего костра –
Крылами жёлтого пера,
Уже в дыму, в золе и саже,
Взмахнёт,
Взлетит в любовном раже...

И упадёт в углу двора.

* * *

Внезапный снег –
С лицом, как белый страх,
Он лёг внизу, оберегая схроны
Прогретых мхов, травы, ещё зеленой,
Вдоль трасс, где медитируют вороны,
Нахохлившись на чёрных проводах.

Внезапный снег,
Он нас застал врасплох,
Чтоб научить любви –
Последней, должной,

Той, что вернуть душе твоей безбожной
Успеет смысл, и речь свою, и слог.

Последней той,
Когда, сошед с креста,
Ты сознаёшь, что дальше – пустота.

* * *

О, все эти скрипучие арпеджио
И прочие рапсодии сверчков!
Умыкались,
Помалкивают сдержанно,
И всё счастливей,
Редкостней и реже нам
Являет лик
Осенняя любовь.

Она простит нам хвори и усталости,
Её пора – предзимняя страда.
Уходит осень, а она осталась и,
Похоже, остаётся навсегда:

Ждёт холодов,
Не очень-то печалится
Насчёт прогнозов, что не с той ноги...

И горестно смолчит –
И не отчаётся,
Что память всё не к тем причалам чалится
И сны твои – не слишком высоки...

* * *

Когда остынет светлая река
И дождь устанет ныть и суесться,
И упадут – уже наверняка –
Снега, и ледостав угомонится,

И белый ветер запылит в полях
И, дверь толкнув, заговорит со мною,
Я окунусь в метели и открою
В завьюженных, сквозных своих краях
Присутствие – пускай намёк, не боле –

Осознанной, живой, холодной воли
Нас приютившей некогда Земли...

... А по весне мутанты-муравьи,
Счастливые взахлёб своим спасеньем,
Зайдутся в оголтелом исступленьи,
Вздымая муть, весь путь наш повторять:
Въедаться, жаждать, злобствовать,
Алкать –
Уже не помня, как в иную стать –
В небытие –
Свела без сожалений,
Поняв всю безнадежность вразумлений,
Сыра земля людскую нашу рать...

А позже снова станет холодать,
И звёзды, обострив ночное зреньи,
К другим раскладам миротворенья
Подтянутся – в иные измеренья...

И нам скользить за ними лунной тенью,

Чтобы успеть,
Чтоб вновь не опоздать.

* * *

Где-то солнце
Взойдёт, зависнет
На мгновенье над вечным льдом
И – во тьму... Ни души, ни мысли.
Только всё это – на потом.

А пока лишь простые вещи
Происходят – весенний гром,
Летний ветер, закатный вечер,
Тополей зажелтевших свечи,
И всё проще тебе и легче
Забывать о себе самом.

И всё легче и как-то проще
Понимать, умиряя зло,
Что не ночи, а дни короче,
И поля в серебре –

И рощи
Не отчаятся и не взропщут,

Что б с тобой
Ни произошло...

* * *

Мне с памятью никак не совладать:
Она порой
Ну просто чушь собачью
Навяжет вдруг,
Но, видно, благодать
Пасёт меня,
И день сулит удачу.

И день сулит надежду и дела,
А иногда – почти что вдохновенье,
И та любовь, что вовсе без крыла,
Скользнёт крылом или крылатой тенью.

Мне не за что себя благодарить,
А упрекать судьбу свою – тем боле.
Не слишком радости, пожалуй – больше боли,
Но ты умеешь это пережить.

Всё так сложилось, как и должно быть,
И зря дожди о том всю ночь судачат...

Да и могло ли быть у нас иначе!..

И мокнет сад,
И листопад растрочен,
И я молюсь,
И зло и молча плачу,

И никогда
Себя мне не простить...